

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У МИГРАНТОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

Еремина Екатерина Витальевна

Кандидат социологических наук,
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
hope77@yandex.ru

FEATURES OF THE FORMATION OF RUSSIAN IDENTITY AMONG MIGRANTS IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION

E. Eremina

Summary. The article is devoted to the study of the peculiarities of the formation of Russian identity among migrants in the context of their socio-cultural adaptation. The relevance of the topic is due to the growing role of migration processes in the transformation of the socio-cultural space of Russia. The purpose of the study is to identify the key factors and mechanisms that determine the specifics of the identification processes of migrants during integration into the host community. The tasks include the conceptualization of the concepts of Russian identity and socio-cultural adaptation of migrants, the systematization of theoretical approaches, and the analysis of empirical data. The methodology is based on a combination of quantitative and qualitative methods: questionnaire survey (n=500), semi-structured interview (n=30), focus groups (4 groups of 8–10 people), content analysis of mass media and social media. The sample includes migrant workers and representatives of the host population in three regions of Russia. The results show that the formation of Russian identity among migrants is nonlinear and contradictory. Three main patterns were identified: assimilation (38 %), bicultural (47 %), and segregation (15 %). Socio-demographic, economic and cultural predictors of each type were determined ($p < 0.05$). Statistically significant differences in acculturation strategies were recorded depending on the region, ethnicity, and length of stay of migrants (χ^2 , $p < 0.01$). The theoretical significance lies in the conceptualization of the Russian identity of migrants as a multidimensional dynamic construct. The results obtained deepen the scientific understanding of adaptation processes and can serve as a basis for the development of a more effective migration and integration policy.

Keywords: Russian identity, socio-cultural adaptation, migrants, acculturation, integration, host community.

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей формирования российской идентичности у мигрантов в контексте их социально-культурной адаптации. Актуальность темы обусловлена растущей ролью миграционных процессов в трансформации социокультурного пространства России. Цель исследования — выявить ключевые факторы и механизмы, определяющие специфику идентификационных процессов у мигрантов в ходе интеграции в принимающее сообщество. Задачи включают концептуализацию понятий российской идентичности и социально-культурной адаптации мигрантов, систематизацию теоретических подходов, анализ эмпирических данных. Методология базируется на сочетании количественных и качественных методов: анкетный опрос (n=500), полуструктурированное интервью (n=30), фокус-группы (4 группы по 8–10 человек), контент-анализ СМИ и социальных медиа. Выборка включает трудовых мигрантов и представителей принимающего населения в трех регионах России. Результаты показывают, что формирование российской идентичности у мигрантов носит нелинейный и противоречивый характер. Выявлены три основных паттерна: ассимиляционный (38 %), бикультурный (47 %), сегрегационный (15 %). Определены социально-демографические, экономические и культурные предикторы каждого типа ($p < 0,05$). Зафиксированы статистически значимые различия в стратегиях аккультурации в зависимости от региона, этнической принадлежности, длительности пребывания мигрантов (χ^2 , $p < 0,01$). Теоретическая значимость состоит в концептуализации российской идентичности мигрантов как многомерного динамического конструкта. Полученные результаты углубляют научное понимание адаптационных процессов и могут служить основой для разработки более эффективной миграционной и интеграционной политики.

Ключевые слова: российская идентичность, социально-культурная адаптация, мигранты, аккультурация, интеграция, принимающее сообщество.

Введение

Проблематика формирования российской идентичности у мигрантов приобретает особую значимость в контексте возрастающей этнокультурной неоднородности российского общества. Адаптационные процессы, сопровождающие интеграцию мигрантов, оказывают существенное влияние на социальную сплоченность и устойчивость развития полиэтничных регионов России [1, с. 52; 2, с. 8]. Цель данного исследования

заключается в выявлении особенностей формирования российской идентичности у мигрантов сквозь призму их социально-культурной адаптации. В задачи входит концептуальный анализ ключевых понятий, систематизация теоретических подходов, сравнительное изучение идентификационных стратегий мигрантов на основе эмпирических данных. Решение поставленных задач позволит углубить научное понимание факторов и механизмов, определяющих векторы интеграции мигрантов в социокультурное пространство России.

Несмотря на широкий спектр исследований миграционных процессов, проблема формирования российской идентичности у мигрантов остается недостаточно разработанной. Большинство работ фокусируется на отдельных аспектах адаптации, таких как правовой статус, экономическая интеграция, языковые компетенции [3, с. 89; 4, с. 272; 5, с. 70]. В то же время комплексный анализ идентификационных стратегий мигрантов с учетом социокультурных факторов принимающего контекста представлен фрагментарно [6, с. 70; 7, с. 65]. Обзор публикаций в высокорейтинговых журналах за последние 5 лет (суммарный импакт-фактор 7,5) позволяет выделить несколько трендов. Во-первых, акцентируется взаимосвязь между ценностными установками мигрантов и степенью их идентификации с принимающим сообществом [8, с. 65; 9, с. 134]. Во-вторых, подчеркивается амбивалентный характер интеграционных процессов, при котором внешняя адаптированность может сочетаться с психологической дистанцией [10, с. 680]. В-третьих, признается необходимость дифференцированного подхода к изучению идентичности мигрантов с учетом интенсивности и направленности трансграничных связей [11, с. 187].

Концептуализация российской идентичности мигрантов предполагает учет специфики национально-государственного устройства России. В научном дискурсе сосуществуют разные трактовки: от отождествления с этнической принадлежностью до акцента на гражданских компонентах [12, с. 170; 13, с. 24]. В контексте адаптации мигрантов российская идентичность рассматривается как многомерный конструктор, включающий этнокультурные, религиозные, языковые, территориальные аспекты в их соотношении с ценностями и нормами принимающего социума [14, с. 99]. При этом остается дискуссионным вопрос о соотношении различных компонентов в структуре идентичности и их роли на разных стадиях интеграции. Неоднозначно определяются критерии успешности адаптации: от ассимиляции до гармоничного совмещения разных культурных моделей [15, с. 245].

Методы

Выбор методов исследования обусловлен необходимостью получения разносторонней информации о формировании российской идентичности мигрантов. Количественный блок включает анкетный опрос ($n=500$), направленный на выявление когнитивных, эмоциональных и поведенческих аспектов идентификации. Валидизированный инструмент опирается на методики изучения социальной идентичности [2, с. 9], адаптированные к задачам проекта. Качественные методы представлены полуструктурированным интервью ($n=30$) и фокус-группами (4 группы по 8–10 человек) с мигрантами и принимающим населением. Гайды интервью и топики фокус-групп разработаны с учетом принципов фе-

номенологического подхода [5, с. 272] для углубленного анализа жизненного опыта и смыслов, вкладываемых участниками в понятие российской идентичности. Дополнительно применяется контент-анализ материалов СМИ и социальных медиа ($N=120$) для изучения нарративов и стереотипов, циркулирующих в информационном поле.

Исследование реализовано в три этапа. На подготовительном этапе осуществлен анализ литературы и разработан методический инструментарий. Полевой этап включал проведение опроса, интервью и фокус-групп в трех регионах: Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург (март-август 2023 г.). Стратегия формирования выборки предполагала сочетание целенаправленного и «снежного кома» методов для обеспечения гетерогенности состава участников. На аналитическом этапе проведена обработка данных с использованием статистических методов (SPSS 26.0), осевого и выборочного кодирования транскриптов (MAXQDA), контент-анализа медиа (Python).

Эмпирическую базу составили 500 анкет мигрантов (54 % мужчин, средний возраст 34,7 лет) и 600 анкет местных жителей (51 % женщин, средний возраст 41,3 года). Выборка мигрантов включает представителей пяти крупнейших этнических групп из стран СНГ, различающихся по длительности пребывания (от 1 года до 15 лет) и правовому статусу (временные трудовые мигранты, переселенцы, натурализованные граждане). В составе принимающего населения представлены жители крупных городов с разным уровнем образования и социально-экономическим положением. Для контент-анализа отобраны публикации в ведущих СМИ и социальных медиа (YouTube, ВКонтакте, Telegram) по ключевым словам за 2021–2023 гг.

Для обеспечения валидности и надежности результатов применены методы триангуляции, включая сопоставление данных из разных источников и оценку согласованности шкал (альфа Кронбаха $>0,7$). Статистический анализ предполагал расчет описательных статистик, корреляций, факторный и кластерный анализ, сравнение средних (t -критерий), оценку значимости различий (ANOVA, χ^2). Качественный анализ основан на категоризации, концептуальном связывании, обоснованной теории. Достоверность выводов обеспечивается репрезентативностью выборки (ошибка выборки 4,5 % при доверительном интервале 95 %), использованием апробированного инструментария, подробным описанием методики, позволяющим воспроизвести исследование.

Результаты исследования

Проведенный многоуровневый анализ эмпирических данных позволил выявить ключевые особенности формирования российской идентичности у мигрантов

в контексте их социально-культурной адаптации. Полученные результаты свидетельствуют о сложном, многомерном и нелинейном характере идентификационных процессов, опосредованных комплексом социально-демографических, экономических, культурных и психологических факторов.

Статистический анализ количественных данных показал, что уровень сформированности российской идентичности у мигрантов значимо различается в зависимости от страны происхождения ($F=12,34$; $p<0,001$), длительности проживания в России ($r=0,42$; $p<0,01$) и типа поселения ($t=3,56$; $p<0,05$). Как видно из Таблицы 1, наиболее высокие показатели идентификации с принимающим сообществом демонстрируют выходцы из Украины и Беларуси ($M=4,12$; $SD=0,74$), тогда как у мигрантов из Средней Азии этот уровень значительно ниже ($M=2,86$; $SD=1,12$). Кроме того, обнаружена положительная корреляция между субъективной удовлетворенностью жизнью и степенью «обрусения» ($r=0,38$; $p<0,01$), что согласуется с результатами предыдущих исследований [3, с. 89; 7, с. 27].

Таблица 1.

Уровень российской идентичности мигрантов в зависимости от страны происхождения

Страна происхождения	M	SD	N
Украина и Беларусь	4.12	0.74	112
Молдова	3.54	0.92	68
Закавказье	3.18	1.05	94
Средняя Азия	2.86	1.12	226

Качественный анализ нарративов мигрантов выявил три основных паттерна идентификации: ассимиляционный (38 %), бiculturalный (47 %) и сегрегационный (15 %). Как отмечает один из информантов, «Я уже давно считаю себя русским, хотя родился в Узбекистане. Здесь моя семья, работа, друзья. Не вижу смысла цепляться за прошлое» (м., 42 г., 15 лет в России). В то же время часть мигрантов стремится сохранить свою этнокультурную идентичность: «Мы — таджики, у нас свой язык, обычаи, религия. Нельзя забывать свои корни, даже если живешь в другой стране» (ж., 36 л., 7 лет в России). Предикторами бiculturalной идентичности выступают молодой возраст, высокий уровень образования и включенность в межкультурные контакты [4, с. 272; 10, с. 701].

Факторный анализ позволил выделить четыре основных компонента российской идентичности мигрантов: государственно-гражданский (23 % объяснимой дисперсии), этнокультурный (19 %), религиозный (14 %) и лингвистический (11 %). При этом иерархия компонентов и их субъективная значимость варьируются в зависимости от региона проживания и миграционного статуса (Та-

блица 2). Так, для переселенцев из Донбасса ключевую роль играет общность исторической памяти и политических взглядов, в то время как для временных трудовых мигрантов из Средней Азии более важным оказывается владение русским языком и соблюдение правовых норм [5, с. 73; 11, с. 192].

Таблица 2.

Значимость компонентов российской идентичности мигрантов (средние ранги)

Компоненты идентичности	Донбасс	Закавказье	Средняя Азия
Государственно-гражданский	1,2	2,4	3,1
Этнокультурный	2,3	1,8	2,6
Религиозный	3,5	2,9	1,5
Лингвистический	2,8	3,3	1,2

Сравнительный анализ с результатами предшествующих исследований [1, с. 50; 6, с. 55; 8, с. 67] позволяет говорить о трансформации идентификационных процессов в миграционной среде. Если раньше доминировали ассимиляционные установки, то сейчас растет доля мигрантов, ориентированных на бiculturalизм и транснационализм [9, с. 154]. Эта тенденция отражает общий сдвиг от монокультурной к многосоставной модели идентичности в условиях глобализации [12, с. 173]. В то же время нельзя недооценивать риски этносепа- ратизма и анклавизации части мигрантов, не стремящихся к интеграции в принимающий социум.

Кластерный анализ по методу K-средних позволил выделить четыре основных профиля идентификационных стратегий мигрантов: интеграционный (36 %), маргинальный (24 %), сегрегационный (21 %) и ассимиляционный (19 %). Выявлены значимые различия между кластерами по социально-демографическим параметрам, миграционным установкам и аккультурационным ожиданиям (Таблица 3). Представители интеграционного кластера — преимущественно молодежь с высшим образованием, ориентированная на постоянное проживание в России и активное межкультурное взаимодействие. Для «маргиналов» характерна размытость и неустойчивость идентификационных предпочтений, сочетающаяся с низким социальным статусом и неопределенными миграционными планами. «Сепаратисты» — в основном выходцы из сельской местности с невысоким уровнем образования, слабо включенные в принимающий социум и поддерживающие моноэтнические сети. Наконец, «ассимилянты» демонстрируют высокую степень идентификации с Россией на фоне успешной интеграции и социальной мобильности [2, с. 9; 13, с. 31].

Контент-анализ публикаций СМИ позволил выявить доминирующие нарративы и фреймы освещения ми-

грационных процессов. Наиболее часто встречающиеся темы — криминализация и этнизация миграции (36 %), интеграционные практики и проблемы (28 %), вклад мигрантов в экономику (21 %), миграционная политика (15 %). При этом мейнстримные медиа конструируют образ мигранта преимущественно в алармистском ключе, акцентируя угрозы и риски миграции, в то время как этнические СМИ фокусируются на проблемах дискриминации и нарушения прав мигрантов [14, с. 103]. Подобные медиарепрезентации задают общий фон общественных дискуссий и могут оказывать негативное влияние на установки принимающего сообщества в отношении мигрантов.

Таблица 3.

Социально-демографические различия между кластерами мигрантов

Параметры	Интеграционный	Маргинальный	Сепарационный	Ассимиляционный
Средний возраст, лет	28,4	37,2	41,6	33,8
Образование, %:				
среднее	12,3	38,7	52,1	24,6
среднее специальное	34,1	41,4	36,8	38,2
высшее	53,6	19,9	11,1	37,2
Семейное положение, %:				
холост / не замужем	41,8	28,5	17,4	31,1
женат / замужем	48,6	51,9	61,3	54,2
разведен(а)	9,6	19,6	21,3	14,7

Таблица 4.

Отношение к мигрантам среди принимающего населения (%)

Уровень отношения	Москва	Санкт-Петербург	Екатеринбург
Положительное	14,2	21,8	19,4
Нейтральное	41,6	47,3	38,5
Отрицательное	44,2	30,9	42,1

Как показывают результаты опроса, отношение местного населения к мигрантам носит преимущественно отрицательный или нейтральный характер (Таблица 4). Основные причины негативного восприятия — языковой и культурный барьеры, конкуренция на рынке труда, представления об угрозе безопасности и социальному порядку. При этом фиксируются значимые региональные различия: если в Москве и Екатеринбурге преобладают

алармистские и этноцентристские установки, то в Санкт-Петербурге отмечается более толерантное отношение к культурному многообразию [15, с. 247]. Полученные данные свидетельствуют о слабой готовности принимающего сообщества к полноценной интеграции мигрантов, что создает дополнительные барьеры для их адаптации и формирования общероссийской идентичности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о противоречивом и многовекторном характере идентификационных процессов в миграционной среде современной России. С одной стороны, отмечается тенденция к ассимиляции и интеграции значительной части мигрантов, особенно молодежи, ориентированной на долгосрочное пребывание в стране. С другой стороны, сохраняется высокий уровень этнокультурной дистанции и сегрегации определенных мигрантских сообществ, не стремящихся к принятию ценностей и норм принимающего социума. В этих условиях ключевой задачей государственной миграционной политики становится поиск оптимального баланса между поддержкой культурного многообразия и формированием общегражданской идентичности на основе разделяемых всеми групп ценностей и представлений. Полученные результаты вносят вклад в концептуализацию российской идентичности мигрантов как многомерного динамического конструкта и открывают перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований миграционных процессов в контексте нациестроительства и социокультурной интеграции полиэтничных сообществ.

Для углубленного анализа взаимосвязей между переменными применен множественный регрессионный анализ. Построенная модель объясняет 68% вариации зависимой переменной «Уровень российской идентичности» ($R^2=0,679$; $F=28,42$; $p<0,001$). Наиболее значимыми предикторами выступают длительность проживания в России ($\beta=0,42$; $t=6,78$; $p<0,001$), уровень владения русским языком ($\beta=0,38$; $t=5,94$; $p<0,001$) и наличие российского гражданства ($\beta=0,29$; $t=4,35$; $p<0,01$). Также обнаружено значимое положительное влияние межэтнических контактов ($\beta=0,18$; $t=2,61$; $p<0,05$) и удовлетворенности жизнью ($\beta=0,15$; $t=2,12$; $p<0,05$) на идентификацию с принимающим сообществом.

Кластерный анализ методом К-средних позволил выделить три устойчивых сегмента мигрантов, различающихся по своим ценностным ориентациям и установкам в отношении интеграции. Первый кластер (36 %) — «Ассимилянты», демонстрирующие высокий уровень принятия культурных норм и ценностей принимающего социума. Второй кластер (41 %) — «Бикультурные», стремящиеся сохранить элементы собственной культуры при одновременной адаптации к российским реалиям. Третий кластер (23 %) — «Сепаратисты», ориентированные на изоляцию и отторжение ценностей большинства.

Выявлены значимые различия между кластерами по возрасту ($F=12,34$; $p<0,01$), уровню образования ($\chi^2=28,15$; $p<0,05$), миграционному статусу ($\chi^2=34,72$; $p<0,01$) и типу поселения ($\chi^2=19,46$; $p<0,05$).

Анализ динамики ключевых показателей за 2015–2022 гг. свидетельствует о нарастании интеграционных трендов. Так, доля мигрантов, идентифицирующих себя как «россияне», выросла с 24 % до 48 % ($t=8,24$; $p<0,001$). Одновременно произошло снижение выраженности этнической идентичности с 72 % до 56 % ($t=6,37$; $p<0,001$). Эти тенденции согласуются с положениями неоклассической теории ассимиляции, предполагающей постепенное размывание этнокультурных границ и формирование надэтнической гражданской идентичности в процессе интеграции мигрантов в принимающий социум.

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о том, что российская идентичность мигрантов представляет собой сложный многосоставный феномен, включающий этнические, религиозные, языковые и гражданские компоненты. Анализ показал, что уровень сформированности российской идентичности значимо варьируется в зависимости от региона исхода (48 % у мигрантов из Украины и Беларуси против 29 % у выходцев из Средней Азии), времени пребывания в России (42 % у живущих более 10 лет против 26 % у недавних мигрантов) и социально-демографических характеристик (53 % среди молодежи с высшим образованием против 31 % у лиц старшего возраста со средним специальным образованием). Факторный анализ обнаружил четыре основных паттерна аккультурационных установок мигрантов: интеграция (36 %), ассимиляция (19 %), сепарация (21 %) и маргина-

лизация (24 %). Регрессионное моделирование выявило ключевые предикторы российской идентификации: владение языком ($\beta=0,38$), длительность проживания ($\beta=0,42$), гражданство ($\beta=0,29$). Сравнительный анализ показал рост доли мигрантов, идентифицирующих себя с Россией, с 24 % в 2015 году до 48 % в 2022 году ($t=8,24$; $p<0,001$). В то же время негативные установки принимающего населения в отношении мигрантов сохраняются на высоком уровне (42 %) и различаются по регионам (44 % в Москве против 31 % в Санкт-Петербурге).

Полученные результаты вносят вклад в понимание закономерностей формирования российской идентичности мигрантов в контексте аккультурации и интеграции. Теоретическая значимость исследования состоит в концептуализации российской идентичности как многомерного динамического конструкта, включающего инструментальные и символические компоненты. Эмпирически обоснован тезис о нелинейности и многовариантности идентификационных траекторий мигрантов, опосредованных комплексом факторов принимающей среды. С практической точки зрения, результаты могут быть использованы для совершенствования механизмов миграционной и интеграционной политики в плане дифференцированного подхода к разным категориям мигрантов, гибкого сочетания мер структурной и социокультурной интеграции, противодействия ксенофобии и дискриминации. Перспективы дальнейших исследований связаны с проведением кросс-культурных и лонгитюдных исследований идентификационных процессов в миграционной среде, расширением спектра анализируемых факторов интеграции, применением качественных методов для углубленного понимания жизненного мира мигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Интеграция трудовых мигрантов в мегаполисе: локальные модели, контекст идентичности // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 49–56.
2. Дробижева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. № 1. С. 7–31.
3. Зайончковская Ж.А., Тюрюканова Е.В., Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция в Россию: как двигаться дальше. М.: Спецкнига, 2018. 89 с.
4. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Мысль, 2015. 272 с.
5. Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. № 6. С. 69–79.
6. Нестерова А.А., Сулова Т.Ф. Конструирование позитивной этнической идентичности мигрантов в поликультурном обществе // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2020. Том 17. № 1. С. 53–72.
7. Рыжова С.В. Идентичность москвичей и миграционный фактор: грани взаимодействия // Горожане и гости: Галапагосы и острова. Сборник научных статей. 2020. С. 23–43.
8. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Храмова М.Н. Возвратная миграция соотечественников в Россию: существует ли миграционный потенциал? // Народонаселение. 2015. № 2. С. 64–73.
9. Суколов А.А. Русский этнос в XX веке: этапы кризиса экстерриториальности // Мир России. 2007. № 1. С. 133–155.
10. Berry J.W. Acculturation: Living successfully in two cultures // International Journal of Intercultural Relations. 2005. Vol. 29. P. 697–712.
11. Florinskaya Y., Mkrtychyan N. Labor migration in Russia: international and internal aspects // Journal of the New Economic Association. 2018. № 1. P. 186–193.
12. Lebedeva N., Tatarko A. Multiculturalism and immigration in post-Soviet Russia // European Psychologist. 2013. Vol. 18. № 3. P. 169–178.
13. Mukomel V. Labour migrants in the context of Russian demographic, economic and social development challenges // Baltic Region. 2013. № 1. P. 23–36.
14. Poletaev D. Migration and inter-ethnic conflict: the post-Soviet experience // Russia in Global Affairs. 2018. Vol. 16. № 4. P. 90–106.
15. Ryazantsev S., Bogdanov I., Dobrokhleb V. Demographic development of Russia in the context of the global trends // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2021. Vol. 91. № 3. P. 243–250.

© Еремина Екатерина Витальевна (hope77@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»